

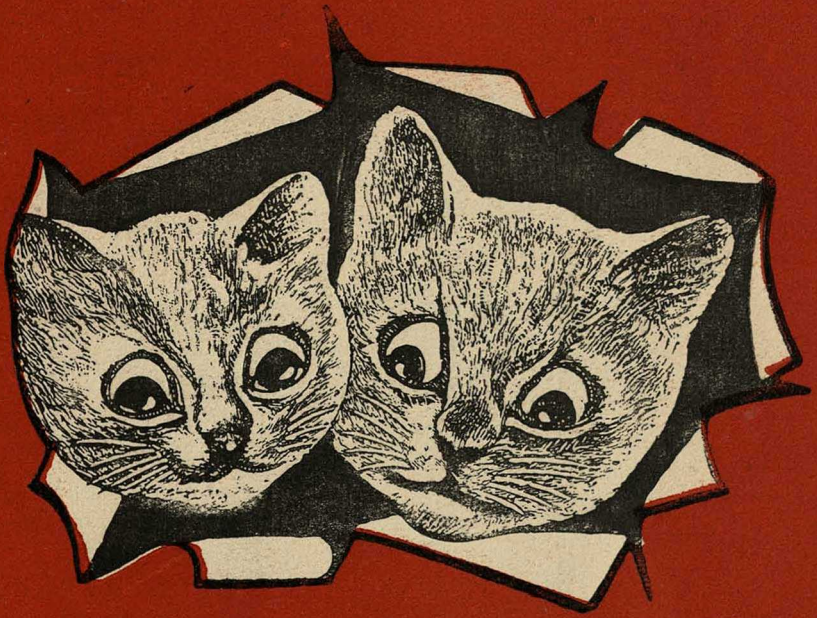
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотекы городскихъ училищъ.

Шестой изданіи.

СЕНТЯБРЬ.

№ 21.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДѢВОЧКИ.
ВЪ ОГОРОДѢ. (стих.).
ДЯДЯ-ПОЛКОВНИКЪ. (повѣсть.).
НЕЗНАКОМАЯ ДАМА.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Столовая—для склеиванія.

1870
1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

№ 21. Сентябрь, 1913.

Годъ издания VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ жаркій день.

ДѢВОЧКИ.

Лиза и Гриша прожили свое дѣтство вмѣстѣ, безвыѣздно, въ барской усадьбѣ, находившейся на берегу большого озера, противоположнаго берега котораго не было видно. Они бѣгали по парку, рылись въ береговомъ пескѣ, влѣзали на прибрежные камни и имъ казалось, что эта жизнь будетъ продолжаться вѣчно, и лучшаго ничего не желали. И вдругъ въ августѣ Гришу отвезли въ городъ въ гимназію. Лиза осталась одна. Ей было скучно, она долгое время слонялась по усадьбѣ въ одиночествѣ и сдружилась наконецъ съ дочерью скотницы Наташей. Это была дѣвочка лѣтъ одиннадцати, добрая, скромная, не рѣшавшаяся до этого выходить со скотнаго двора въ усадьбу, и, когда ее узнали поближе, то она сразу-же привлекла къ себѣ всеобщее расположеніе.

— Ну, и пусть себѣ будутъ вмѣстѣ! сказала няня.—Все таки Лизочкѣ будетъ веселѣй! А то все одна, да одна...

Дѣвочки сошлись и съ тѣхъ поръ во всякое время и во всякую погоду были вмѣстѣ. Казалось, что это были двѣ родныя сестры. То онѣ играли въ куклы, то рассказывали другъ дружкѣ разныя исторіи, а то бѣгали по берегу озера и босыми ногами

плескались въ водѣ. Когда-же затѣмъ наступили осень и зима, то, забившись въ уголокъ дѣтской, онѣ такъ увлекались шитьемъ, что ихъ не было слышно и приходилось даже окликать.

— Какъ безъ Гриши тихо! говорилъ отецъ.—Точно онъ одинъ занималъ весь домъ!

Мама, Лиза и няня глубоко вздыхали. Имъ давно уже было тоскливо безъ Гриши, который своими выдумками и возней наполнялъ всю жизнь въ усадьбѣ; онъ нагромождалъ стулья, устраивалъ изъ нихъ поѣздъ желѣзной дороги и переворачивалъ все вверхъ дномъ. Хотѣлось шума, движенія, дѣтскихъ голосовъ и большія пустынные комнаты барскаго дома казались еще пустыннѣе за отсутствіемъ Гриши.

Пришло Рождество,—но Гриша не пріѣхалъ. До города было очень далеко и стояли такіе морозы, что папа и мама сами ѣздили къ нему повидаться. На Пасху онъ тоже долженъ былъ остаться въ городѣ: былъ такой необыкновенный разливъ рѣкъ, что нельзя было выѣхать за нимъ изъ усадьбы. Когда-же наступилъ май и онъ окончилъ свои занятія, то отъ него пришло вдругъ письмо, что онъ ѣдетъ наконецъ домой и не одинъ, а везетъ съ собой своего

друга и одноклассника Васю Брылкина, съ которымъ проучился вмѣстѣ цѣлый годъ.

Всѣ въ усадьбѣ обрадовались. Мама и папа повеселѣли; Лиза запрыгала, какъ коза, и захлопала въ ладоши; няня прослезилась. Долго соображали, какихъ лошадей послать за мальчиками на пароходную пристань; еще дольше обсуждали вопросъ о томъ, какъ ихъ размѣстить, хотя комната въ домѣ было достаточно.

— Теперь ужъ онъ большой, сказалъ папа. — Ему въ дѣтской спать вмѣстѣ съ Лизой и няней не годится. Надо положить его и этого самаго Васю Брылкина въ одной комнатѣ обоихъ. Имъ будетъ веселѣе.

Цѣлые два дня мама и няня устраивали для Гриши и его пріятеля комнату. До ихъ пріѣзда считали часы и минуты. Когда-же наконецъ вдалькѣ послышались звонки и затѣмъ раздался собачій лай, то Лиза и Наташа пришли въ такой восторгъ, что стали, точно безумныя, прыгать на одномъ мѣстѣ и кричать:—

— Ъдутъ!! Ъдутъ!!

Тарантасъ подѣхалъ къ крыльцу. Папа, мама, дѣвочки и вся дворня выскочили на встрѣчу. Начались объятія, поцѣлуи, слезы. Гриша обезумѣлъ отъ радости, позабылъ обо всемъ на свѣтѣ и бросился въ домъ. Онъ пробѣжался по всѣмъ комнатамъ, а за

нимъ гнались дѣвочки, и онъ не могъ наглядѣться на стулья, диваны и кресла, съ которыми такъ долго жилъ и съ которыми столько времени не видался. А въ это время у крыльца стоялъ гимназистъ Вася Брыкинъ, рыжій, съ веснушками и оттопыренными ушами мальчикъ, о которомъ на радостяхъ позабыли и который не зналъ, что ему дѣлать и куда идти.

— Пожалуйте сюда, Вася! спохватился наконецъ папа.—Очень радъ васъ видѣть!

Вася шаркнулъ неловко ногой и протянулъ папѣ грязную руку.

— Позвольте представиться, сказалъ онъ.—Василій Брыкинъ. Мореплаватель и изслѣдователь Ново-зеландскихъ береговъ!

Папа улыбнулся и провелъ его въ комнаты. Столъ былъ уже накрытъ. Когда отхлынулъ первый порывъ восторга отъ встрѣчи, то сѣли обѣдать. Папа шутилъ, дѣвочки трещали безъ умолку, какъ сороки, и исподтишка поглядывали на Васю, который все время молчалъ, смотрѣлъ на нихъ презрительно исподлобья и то и дѣло вытиралъ ладонью вспотѣвшій лобъ.

— Какъ у него смѣшно торчатъ волоса! шепнула своей подружкѣ Лиза.

Ко всеобщему удивленію, Гриша тоже все время молчалъ. Всегда такой разговорчивый, шумливый,

онъ теперь сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову, не ѣлъ и каталъ изъ хлѣба шарики.

— Гриша, что съ тобой? обратилась къ нему мама. — Отчего ты молчишь?

— Такъ... отвѣтилъ Гриша.

— Это онъ отъ усталости.. заступился за него папа. — Еще не очухался съ дороги... Шутка-ли проѣхать полтора ста верстъ!

Но для всѣхъ было ясно, что Гриша за время разлуки измѣнился, и это внесло грустную струю въ общее радостное настроеніе.

Послѣ обѣда папа легъ отдыхать, а всѣ дѣти отправились въ дѣтскую. Они стали тамъ у окна, не знали, съ чего начать разговоръ, и всѣмъ было неловко. Дѣвочекъ стѣснялъ чужой гимназистъ, онѣ церемонились, а Гриша не дѣлалъ ничего, что могло-бы сблизить всѣхъ четверыхъ.

— Я великій мореплаватель Кузь! вдругъ ни съ того ни съ сего сказалъ Вася и провелъ рукой по непослушнымъ волосамъ. — Я открылъ Новую-Зеландію и пріѣхалъ сюда, чтобы и на этомъ озерѣ открыть много необитаемыхъ острововъ. У васъ есть здѣсь на островахъ индѣйцы?

Наташа фыркнула въ кулакъ, а Лиза сдѣлала большіе глаза и искренно отвѣтила:

— Нѣтъ, индѣйцевъ тутъ у насъ нѣтъ! Вотъ на деревнѣ у насъ жи-

ветъ одинъ мужикъ, котораго прозвали въ шутку Печенѣгомъ.

Вася Брылкинъ прищурилъ глаза, презрительно улыбнулся и снисходительно посмотрѣлъ на дѣвочекъ.

— Вы, дѣвочки, — низшая раса, сказалъ онъ. — У васъ мозгъ не такой плотный, какъ у мальчишковъ, и потому вы не способны на великія предпріятія. Когда я буду терпѣть на этомъ озерѣ со своимъ пароходомъ кораблекрушеніе, то я прежде всего высажу въ лодку женщинъ и дѣтей. Лодка вмѣщаетъ всего только двадцать человекъ и въ cadaго двадцать перваго я буду стрѣлять. Иначе лодка пойдетъ ко дну...

Наташа была смѣшливаго десятка и на этотъ разъ громко разсмѣялась. Лиза-же смутилась и умоляюще посмотрѣла на Гришу. Ему стало неловко и онъ предложилъ:—

— Пойдемте гулять!

Всѣ четверо вышли въ паркъ. Но имъ не гулялось. Въ былое время Гриша бѣгалъ по аллеямъ, весело распѣвалъ, кричалъ, а теперь игры какъ-то не устраивались; Гриша и Вася ходили хмурыми и глядѣли исподлобья, какъ заговорщики, и дѣвочки, какъ сонныя мухи, бродили около цвѣтовъ и втихомолку удивлялись Гришѣ и подсмѣивались надъ Васей.

Вечеромъ, когда ложились спать

мальчики заперлись на ключъ и о чемъ-то долго шептались. Когда мама пришла ихъ благословить, то пришлось постучаться въ дверь.

— Вы зачѣмъ это запираетесь? спросила она. — Не смѣть запирается! Это нехорошо!

И когда она вышла отъ нихъ, то встрѣтившая ее нянька помогала головой и глубоко вздохнула.

— Что-то съ нашимъ Гришенькой стало дѣлаться не то... сказала она. — Охъ, не нравится мнѣ этотъ вашъ мореплаватель Кукъ!

Такъ прошла цѣлая недѣля. Мальчики все время, съ утра и до вечера, держались особнякомъ и проводили на берегу, а дѣвочки по необходимости оставались только вдвоемъ и обшивали куколъ. Онѣ были разочарованы. Онѣ такъ мечтали о приѣздѣ Гриши и вдругъ приѣхалъ этотъ весноватый, рыжій Вася Брылкинъ, который отнял его у нихъ и овладѣлъ всѣмъ его вниманіемъ. Мама и папа и сами были обезпокоены этой дружбой и стали подумывать о томъ, какъ бы отправить поскорѣе Васю обратно въ городъ.

— Повидимому, онъ мальчикъ очень хорошій, говорилъ папа мамѣ,—но у него какія-то странныя мысли. Онъ начитался разныхъ путешествій и теперь воображаетъ себя капитаномъ Кукомъ и мечтаетъ о необитаемом островѣ и встрѣчѣ съ индѣйцами.

Какъ-бы онъ не натворилъ здѣсь какихъ-нибудь глупостей!

Всю ночь дулъ сильный вѣтеръ, шумѣли листьями деревья, сразу заглодало и стало походить на осень. Озеро заволновалось. Волны забурлили у береговыхъ камней и, пока видѣлъ глазъ, все виднѣлись одни только барашки. Нависли свинцовыя тучи—и сдѣлалось въ природѣ такъ грустно, такъ тоскливо, что хотѣлось плакать. Въ такіе дни папа обыкновенно уѣзжалъ на охоту, но охотиться было еще нельзя, и онъ собрался съ мамой въ гости. Былъ поданъ тарантасъ, они уѣли въ него, простились съ дѣтьми и уѣхали.

— Вы-же, дѣти, будьте умниками, сказала мама.—Не подходите близко къ озеру... Слушайте няню.

Едва только замолкли бубенчики, какъ глаза Васи Брылкина оживились. Онъ схватилъ Гришу за руку и потащилъ его къ себѣ въ комнату.

— Пойдемъ! сказалъ онъ.—Океанъ реветъ. На морѣ буря. Корабль насъ ждетъ!

Они заперлись на ключъ и долго о чемъ-то совѣщались одни.

Дулъ попрежнему вѣтеръ, шумѣли деревья и капли дождя медленно катились по стекламъ. Изъ оконъ дома было видно, какъ волновалось озеро, и какъ-то особенно хотѣлось въ такую погоду или по-

сидѣть у себя дома у камина, или же уѣхать куда-нибудь подальше, чтобы побыть на людяхъ. Лиза и Наташа сидѣли въ дѣтской однѣ и обшивали куколъ.

— Скучно... сказала вдругъ Лиза. — Пойдемъ позовемъ мальчишекъ! Что они тамъ сидятъ одни?

Онѣ подошли къ двери въ комнату мальчиговъ. Она оказалась запертой на ключъ. Слышно было, какъ о чемъ-то громко говорилъ Вася и какъ робко и неувѣренно ему возражалъ Гриша. Дѣвочки притаились и стали слушать.

— Ты пойми, говорилъ Вася Брылкинъ, — что такого подходящаго случая больше не повторится! Твои родители уѣхали, дѣвчонки намъ помѣшать не могутъ и мы отлично можемъ отправиться отыскивать на озерѣ необитаемый островъ. Если мы его найдемъ, то поселимся на немъ и будемъ жить, какъ Робинзоны.

— Но вѣдь папа и мама будутъ плакать! возражалъ Гриша. — А кромѣ того, что мы тамъ будемъ ѣсть и пить?

— Мы будемъ питаться тамъ травой, выкапывать изъ земли корешки и ѣсть и кромѣ того стрѣлять дикихъ козъ и бизоновъ!

— А если мы утонемъ?

— Если случится кораблекрушеніе, то мы ухватимся за доску и поплывемъ!

Дѣвочки пришли въ удивленіе

отъ того, что услышали. Все это было такъ ново для нихъ, что онѣ не знали, что дѣлать и какъ поступить.

— Давай скажемъ нянѣ! предложила Лиза.

— Неловко!.. отвѣтила Наташа. — Скажутъ, что мы подслушивали!.. Все равно въ такую погоду ѣхать на лодкѣ нельзя! Они такъ только болтаютъ зря!

Дѣвочки пошли въ гостиную и, глубоко усѣвшись съ ногами на турецкій диванъ, стали играть въ куклы. Скоро къ нимъ вышли и Вася съ Гришей. По ихъ лицамъ и по таинственнымъ взглядамъ, которыми они обмѣнивались, можно было сразу-же догадаться, что они что-то задумали и хотятъ это скрыть отъ другихъ. Но дѣвочки такъ были заняты своей игрой, что и не обратили на нихъ никакого вниманія. Тогда Вася и Гриша вышли въ корридоръ, положили себѣ въ карманы гвоздей и взяли молотокъ.

— Это на случай, сказалъ Вася, — если на необитаемомъ островѣ намъ придется строить себѣ хижину.

Затѣмъ тихонько, чтобы никто не замѣтилъ, они вышли въ паркъ и со всѣхъ ногъ побѣжали къ озеру. Сѣрое, непривѣтливое, оно шумѣло и привязанная къ берегу лодка то опускалась, то поднималась отъ прибоя.

— Садись! распорядился Вася. Гриша съ тревогой обернулся

назадъ и влѣзъ въ лодку. Вася вскочилъ вслѣдъ за нимъ, развязалъ и поставилъ парусъ, лодку подхватило вѣтромъ и она по неслась, какъ стрѣла.

— Ты умѣешь управлять парусомъ? робко спросилъ Гриша.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Вася, но это ничего.—Вѣтеръ попутный и несетъ насъ прямо въ открытый океанъ.

У Гриши отъ страха похолодѣло подъ сердцемъ.

— А какъ-же мы вернемся безъ весель назадъ? спросилъ онъ, глотая слезы.

— Мы не вернемся назадъ уже больше никогда, послѣдовалъ отвѣтъ.—Мы должны открыть необитаемые острова или-же потерпѣть кораблекрушеніе. Я—капитанъ Кукъ, мореплаватель и изслѣдователь Ново-Зеландскихъ береговъ.

Гриша пришелъ въ ужасъ. Онъ поблѣднѣлъ, губы у него задрожали и на глазахъ показались слезы.

— Что-же я буду теперь дѣлать? прошепталъ онъ.

Въ полуверстѣ отъ берега находился маленький, каменистый островокъ, чуть чуть покрытый сверху травой. Его было видно изъ оконъ усадьбы только въ ясную погоду, когда озеро было тихо. Этотъ островокъ носилъ громкое названіе—Формоза. Не прошло и десяти минутъ, какъ, никѣмъ не

управляемая, лодка съ нашими отважными мореплавателями ударилась носомъ объ этотъ островокъ и засѣла.

— Ура! воскликнулъ Вася.— Земля! Необитаемый островъ!

Онъ выскочилъ на островокъ, но, вылѣзая изъ лодки, нечаянно отпихнулъ ее отъ берега ногою. Порывъ вѣтра снова подхватилъ лодку, перевернулъ на ней парусъ и прежде чѣмъ Гриша успѣлъ изъ нея тоже выйти на островокъ, помчалъ ее обратно къ берегу. Гриша видѣлъ, какъ испугавшійся Вася замахалъ ему съ островка руками, но дѣлать было нечего и онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, предоставилъ себя на волю судьбы.

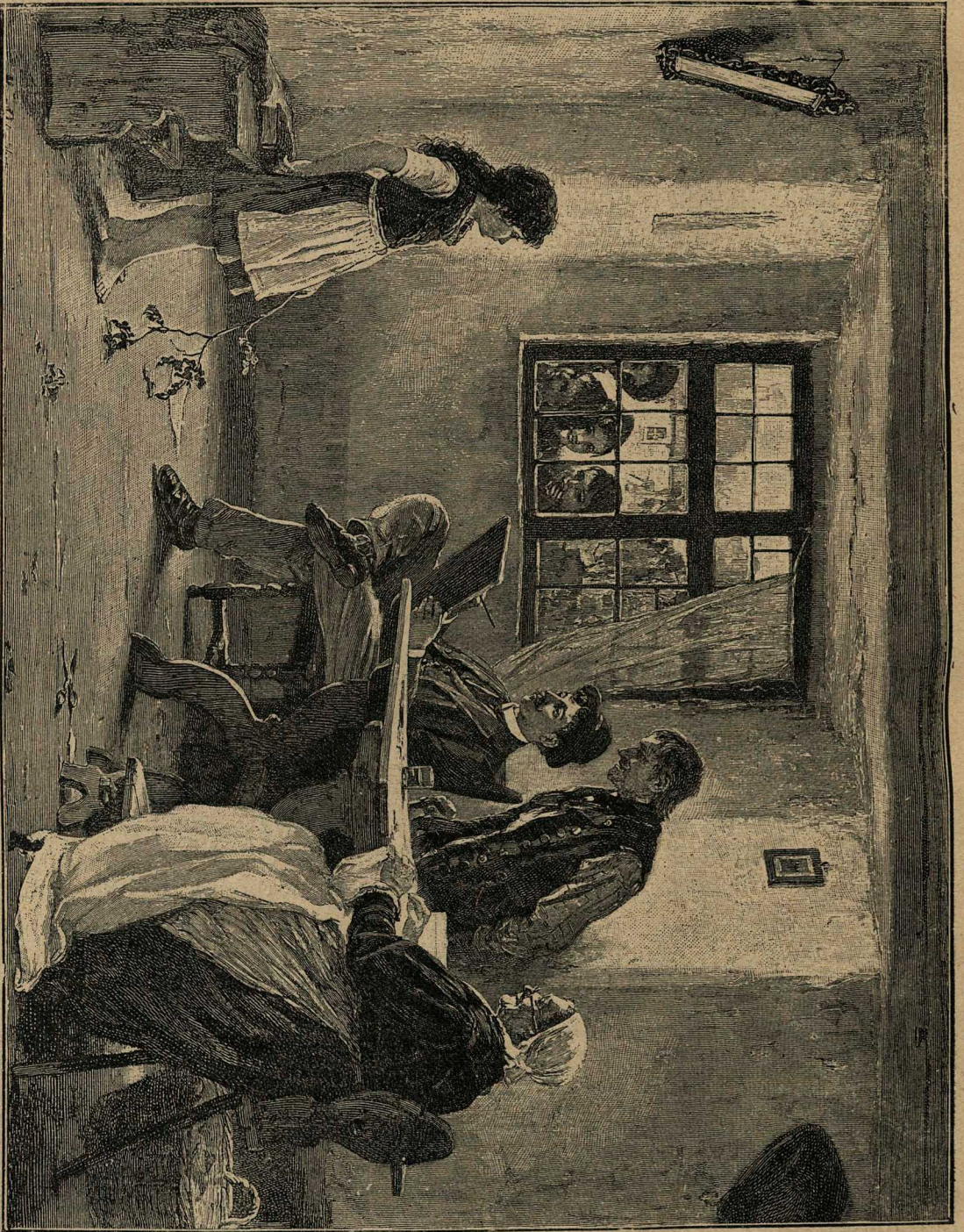
— Куда ты? Куда? закричалъ ему вслѣдъ Вася.

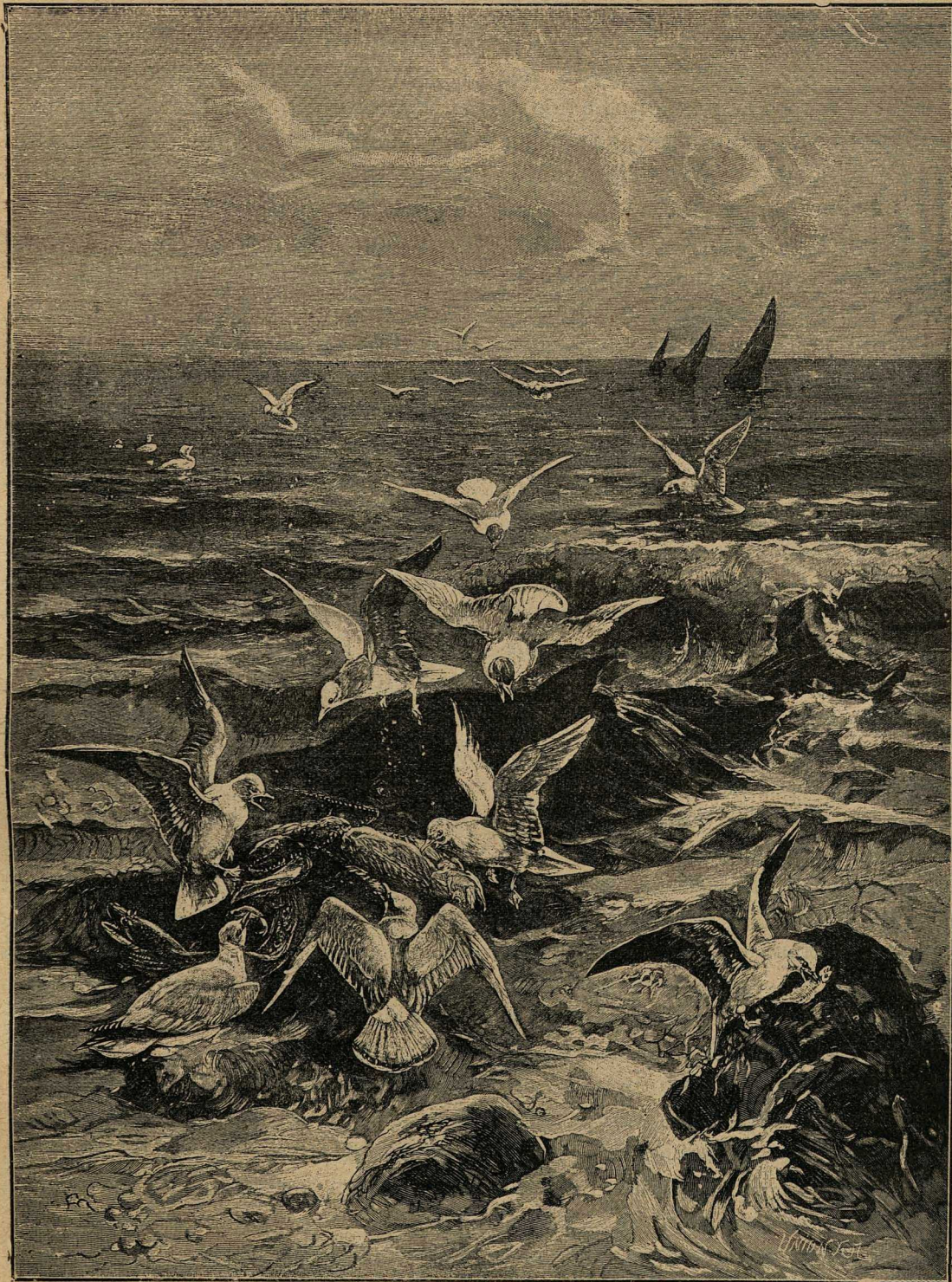
А кругомъ шумѣли волны и Гриша еще долго видѣлъ одинокую, маленькую фигурку, которая металась взадъ и впередъ на маленькомъ островкѣ и не знала, что ей дѣлать. Отважный мореплаватель Кукъ попался въ западню, о которой долго и безпокойно мечталъ, и теперь, понявъ всю опасность своего положенія, кричалъ, звалъ къ себѣ на помощь, но вѣтеръ разносилъ его голосъ и его не слышалъ никто.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! кричалъ онъ.—Спасите! Помогите!

А тѣмъ временемъ, ухватившись обѣими руками за борта лодки, и

Художникъ рисуетъ портретъ.

На берегу океана. Чайки и дельфинъ.

помертвѣвъ отъ страха, Гриша возвращался къ берегу. Парусъ надулся пузыремъ, накренилъ лодку и понесъ ее по пѣвившимся гребешкамъ съ быстротою чайки. Минуть черезъ двадцать, которыя показались Гришѣ вѣчностью, лодка уже стукнулась о желанный берегъ и врѣзалась носомъ въ осоку. Гриша выскочилъ изъ нея и, весь мокрый, оглядѣлся по сторонамъ и сталъ креститься.

— Слава тебѣ, Господи! зашепталь онъ.—Но что-же теперь дѣлать съ Васей?

Далеко-далеко, у самаго берега синѣлъ паркъ усадьбы и изъ-за его деревьевъ выплядывала ярко-красная крыша дома.

„Какъ однако-же далеко меня отнесло“, подумаль Гриша и со всѣхъ ногъ, позабывъ о лодкѣ, бросился бѣжать домой. Прибѣжавъ къ себѣ въ комнату, онъ повалился на кровать и тутъ только далъ волю своему чувству. Переживъ столько страшныхъ минутъ, онъ засунулъ голову подъ подушку и горько заплакалъ. Чувство порядочности проснулось въ немъ, ему было больно и обидно, что онъ такъ долго находился подъ вліяніемъ этого мальчика, который смутилъ его бѣжать, и благодаря которому онъ такъ долго скрываль о своихъ планахъ отъ матери и отца. Плечи его вздрагивали, спинѣ было холодно отъ

промокнушей рубашки, а слезы такъ и лились ручьями изъ его глазъ и смачивали нижнюю подушку. Къ сознанию вины присоединилось еще и чувство опасенія за Васю. Что онъ будетъ теперь дѣлать одинъ на необитаемомъ островкѣ? Какъ его спасти? Какъ сказать теперь всѣмъ въ усадьбѣ, что онъ, Гриша, тоже бѣжалъ съ нимъ изъ дому и только чудомъ возвратился назадъ? Какъ отнесутся ко всей этой затѣѣ папа и мама, когда вернутся вечеромъ изъ гостей?

Гриша долго еще плакалъ, не могъ успокоиться и наконецъ затихъ. Рубашка высохла, спина согрѣлась и въ комнатѣ было такъ тихо и тепло! Онъ свернулся калачикомъ, натянулъ на себя одѣяло и крѣпко заснулъ.

Прошелъ часъ, прошелъ другой, вѣтеръ разорваль сплотившіяся тучи, онѣ расползлись въ разныя стороны ключьями и засвѣтило солнце. Какъ это часто бываетъ лѣтомъ, къ вечеру стихло, озеро успокоилось и старый паркъ, не шевеля ни однимъ листомъ, сталъ отдыхать отъ перенесенной невзгоды. Оранжевый закатъ окрасилъ все въ теплые тона, запѣлъ пріумолкшій соловей, затрещаль въ сосѣднемъ полѣ коростель, и отъ сирени потянулся сладкій ароматъ. Дѣвочки обрадовались солнцу и выбѣжали въ паркъ.

— Что это нашихъ мальчиковъ

такъ долго не видно? встрепенулась вдругъ Наташа.

И обѣ дѣвочки вздрогнули и оглядѣлись по сторонамъ.

— Вася! Гриша! окликнули онѣ.

Но Вася былъ далеко на островкѣ, а Гриша крѣпко спалъ и ихъ не услышалъ никто.

Чуя недоброе, дѣвочки переглянулись и имъ сразу пришелъ на память подслушанный ими разговоръ.

— Бѣжимъ скорѣе къ озеру! крикнула Наташа.

Онѣ взяли за руки и побѣжали къ берегу. Передъ ними, точно расплавленная мѣдь, разстилалось затихшее озеро и большимъ красноватымъ кругомъ въ него готово было опуститься заходившее солнце.

— Они уѣхали! воскликнула Наташа.—Видишь? И лодки нѣтъ!

— Что-же теперь дѣлать? всплеснула руками Лиза.

И вдругъ издалека, съ острова Формозы до нихъ донесся чуть слышный голосъ Васи:

— Спасите! Помогите!

Дѣвочки засуетились.

— Слышишь? воскликнула Лиза.—Они тамъ! Надо ихъ скорѣе спасти!

— Но какъ это сдѣлать? спросила Наташа.—Какъ ихъ спасти?

— Надо побѣжать скорѣе въ людскую и сказать обо всемъ нянѣ и Никитѣ.

— Но тогда объ этомъ узнаютъ всѣ и ихъ накажутъ!

— Что-же дѣлать?

Наташа подумала минуту, быстро что-то сообразила и схватила Лизу за руку.

— Пойдемъ! сказала она.—Скорѣе! Надо успѣть, пока объ этомъ не знаетъ еще никто!

Она повела Лизу къ тому мѣсту, гдѣ почти у самой воды стоялъ шалапъ рыбака. Около него къ вбитому въ песокъ колу была привязана лодка.

— Егоръ, ты здѣсь? окликнула Наташа.

Отвѣта не послѣдовало. Тогда Наташа прыгнула въ лодку, за ней послѣдовала Лиза, дѣвочки взяли за весло, взмахнули ими и поплыли къ острову Формозѣ.

— Спасите! Помогите! доносился до нихъ голосъ Васи.

Дѣвочки работали веслами изъ всѣхъ силъ. Лодка была легка и неслась быстро. Когда онѣ доплыли наконецъ до островка и увидали на немъ только одного Васю, то обѣ испугались. Лиза затрепетала такъ, что едва не выронила весла.

— А гдѣ-же Гриша? едва имѣла она силъ произнести.

— Гдѣ Гриша? крикнула Васѣ Наташа.

— Я здѣсь одинъ! послышался отвѣтъ съ островка.—Онъ, должно быть, теперь дома, на берегу! Я

видѣлъ, какъ онъ уплылъ на берегъ!

Мокраго, продрогшаго дѣвочки приняли безстрашнаго мореплавателя Кука на бортъ своей лодки. Онъ казался теперь имъ жалкимъ, беспомощнымъ. Три часа, проведенные имъ на одинокомъ островѣ, вѣроятно, обошлись ему не даромъ, потому-что онъ сидѣлъ теперь на скамьѣ, подобравъ подъ себя ноги и опустивъ рыжую голову. Ему было стыдно и неловко. Тѣ самыя дѣвочки, къ которымъ онъ относился такъ свысока и которыхъ не ставилъ ни во что, спасли его и ему было досадно, что спасли его именно онѣ, а не кто-либо другой. И глядя на его съежившуюся, присмирѣвшую фигуру, Наташа вдругъ стала громко смѣяться.

— Чего вы смѣетесь? мрачно спросилъ ее Вася.

Но она не унималась и такъ и покатывалась со смѣху. Ея смѣхъ заразилъ и Лизу, и обѣ онѣ гребли, налегали на весла и никакъ не могли перестать смѣяться.

— Чего вы смѣетесь? снова спросилъ ихъ Вася.

— Отчего у васъ такъ измарано грязью лицо? въ свою очередь спросила его Наташа.

— Это я отыскивалъ въ землѣ корешки и ѣлъ, отвѣтилъ онъ. — Мнѣ захотѣлось ѣсть, и я ѣлъ траву и корешки.

Обѣ дѣвочки такъ и прыснули отъ смѣха.

— А развѣ вы хлѣба съ собой не взяли? спросила Лиза.

— Нѣтъ, не взялъ... отвѣтилъ мрачно Вася.

— А это что у васъ оттопырилось въ карманѣ?

— Гвозди...

Доплыли до берега и причалили около шалаша рыбака. Наташа привязала лодку къ колу и всѣ вмѣстѣ отправились къ калиткѣ парка. Вася шелъ хмурый и угрюмый и всю дорогу, пока дошли до дома, молчалъ.

— Но гдѣ же нашъ Гриша? вдругъ вспомнила Наташа и громко закричала:—Гриша! Гдѣ ты?

— Я здѣсь, я здѣсь! вдругъ слышался веселый голосокъ.

Завидѣвъ ихъ изъ окошка, еще только недавно проснувшійся Гриша уже бѣжалъ къ нимъ навстрѣчу и отъ радости не чуялъ подъ собою ногъ. Смѣясь и перебивая другъ дружку, дѣвочки рассказали ему, какъ спасли неустрашимаго мореплавателя Кука и какъ онъ, проголодавшись на островѣ Формозѣ, ѣлъ сырые корешки и траву. Гриша взглянулъ на этого Кука и, точно пелена спала съ его глазъ. Вася показался ему вдругъ такимъ глупымъ, неинтереснымъ, умѣвшимъ думать и говорить только объ одномъ и томъ-же и неспособнымъ понимать ни этой красоты солнечнаго заката и вѣкового парка, ни этой радостной пѣсни мо-

гучаго соловья, ни этого сладкаго, восхитительнаго запаха сирени.

И, схвативъ сестру и Наташу за руки, онъ весело, какъ бывало, посмотрѣлъ имъ въ глаза и предложилъ такъ, что ему нельзя было отказать.

— Давайте бѣгать! Ловите меня всѣ!

И онъ бросился бѣжать. Дѣвочки взвизгнули и пустились занимать въ догонку. И еще долго старший паркъ слушалъ ихъ веселые, счастливые голоса, а угрюмый Вася все время сидѣлъ на лавочкѣ въ сторонѣ одинъ и о чемъ-то думалъ.

На слѣдующій день онъ попросился домой.

Папа тотчасъ-же приказалъ запрячь для него лошадь и отправилъ его на пристань. Какъ только онъ уѣхалъ, Гриша и дѣвочки вздохнули легко и тотчасъ-же принялись за свои прежнія игры и ихъ не стѣснялъ уже никто. А въ это время няня ходила около нихъ, не могла на нихъ наглядѣться и то и дѣло повторяла:—

— Ну, ужъ этотъ и капитанъ Кукъ! И родилась и крестилась, а такого дуралея во всю свою жизнь не видала! Оттаскать-бы его за вихры, тогда зналъ-бы какъ смущать другихъ и ѣсть, какъ боровъ, корешки да траву!

М. Хал.—

ВЪ ОГОРОДѢ.

Какъ рано яблоки поспѣли!
Такъ съ вѣтокъ ярко и глядятъ!
Ихъ дѣти ѣли, ѣли, ѣли
И до сихъ поръ еще ѣдятъ.

Здѣсь мята спѣетъ, тамъ ромашка,
Тутъ дыня зрѣетъ, здѣсь томать,
Тамъ маки яркіе, тутъ кашка,
А здѣсь арбузы ужъ глядятъ.

А тутъ корявенькій, душистый,
Глядитъ ужъ съ грядки огурецъ,
А тамъ—поспѣлъ горохъ стручистый
Услада маленькихъ сердецъ!

И такъ прекрасно все въ природѣ,
Такая всюду тишь и гладь,
Что вѣкъ сидѣлъ-бы въ огородѣ
И ничего-бъ не сталъ желать!

Ирисъ.

ДЯДЯ-ПОЛКОВНИКЪ.

Андрюша стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Около него сидѣла на подоконникѣ его сестренка Зоя и безъ умолку задавала ему вопросы, на которые онъ давно уже отвѣчалъ ей не разъ и не два. Теперь онъ былъ молчаливъ. Высокіе, хмурые дома на противоположной сторонѣ наводили на него тоску, ему безотчетно хотѣлось простора, воздуха и травы, гдѣ онъ могъ бы свободно выплакать свое горе. Всякій разъ какъ Зоя спрашивала его, когда-же наконецъ придетъ мама домой, то къ его глазамъ подступали слезы и онъ едва сдерживался, чтобы не заплакать. Сегодня былъ самый тяжелый и печальный день во всей его жизни: онъ похоронилъ свою мать. Смерть отца онъ смутно помнилъ; тогда Зоя была еще совсѣмъ маленькой, а самъ онъ едва понималъ, что происходило, теперь-же онъ чувствовалъ себя круглымъ сиротой.

— Значить, мама никогда уже не придетъ къ намъ? спросила Зоя.— Она у папы и у Боженьки на небѣ?

— Да, отвѣтилъ мальчикъ,—теперь мы уже совсѣмъ одни на бѣломъ свѣтѣ.

— А ты всегда останешься со мной?

— Да, Зоя, всегда... Помолчи немного! Мнѣ почему-то не хочется отвѣчать...

Но ему сразу-же стало неловко этого отвѣта и онъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

— Всегда, всегда! повторилъ онъ.— Я не оставлю тебя никогда.

Въ сосѣдней комнаткѣ въ это время сидѣли господинъ и дама и вели серьезный разговоръ о дѣтяхъ. Судьба Андрюши и Зои теперь была у нихъ въ рукахъ. Это были ближайшіе родственники ихъ родителей. Дядя-полковникъ съ внушительнымъ видомъ и строгимъ лицомъ сидѣлъ на диванѣ; двоюродная сестра покойницы—тетя Варя робко стояла передъ нимъ въ своемъ старомодномъ платьѣ и то и дѣло прикладывала платокъ къ глазамъ. Она была бѣдной учительницей изъ ближайшей къ городу деревни, гдѣ учила дѣтей мѣстныхъ дачниковъ и часть своей квартиры сдавала на лѣто одинокимъ людямъ со столомъ. Она не спала уже больше недѣли, проводя послѣдніе дни около больной, она ее похоронила, привела въ ея квартирѣ все въ порядокъ, какъ вдругъ откуда-то, какъ снѣгъ на голову, явился этотъ суровый дядя-полковникъ, котораго она ранѣе не видала у покойницы никогда, и вдругъ предъявилъ свои права на воспитаніе оставшихся сиротъ-дѣтей.

— Вы все время были при покойницѣ, обратился онъ къ тетѣ-Варѣ.— Не высказывала-ли она вамъ какихъ-нибудь особыхъ пожеланій относительно дѣтей?

— Она только желала, отвѣтила учительница,—чтобы ея Андрюша и Зоя жили у меня... Я съ радостью исполню ея желаніе.

Полковникъ снисходительно улыбнулся. Тетя-Варя не понравилась ему съ перваго-же взгляда

со своими жидкими бѣлокурыми волосами, заплаканными глазами и краснымъ отъ слезъ носомъ. Она чувствовала это, боялась его и робко отвѣчала на его вопросы.

— Какое-же воспитаніе вы можете дать мальчику? строго спросилъ ее дядя-полковникъ. — Вѣдь, вы женщина! Развѣ вы сумѣете поставить его на его настоящую дорогу? Вы только избалуете его!

Тетя-Варя смутилась и потупила глаза. Страхъ наполнилъ ея душу.

— Это правда... робко отвѣтила она. — Но я постараюсь любить его, какъ родная мать...

— Любить!.. Любить!.. воскликнулъ полковникъ. — Одной любви еще мало! Надо кромѣ того еще и умѣть воспитывать!

Тетюшка окончательно смутилась.

— Желаете-ли вы взять дѣвочку къ себѣ? рѣшительно спросилъ полковникъ. — Объ Андрюшѣ я позабочусь самъ и увезу его съ собою, вы будете воспитывать Зою одну. Если желаете, то я могу даже за нее вамъ платить!

Тетя-Варя вспыхнула.

— Благодарю васъ, полковникъ, осмѣлилась она отвѣтить. — Дѣти моей двоюродной сестры всегда будутъ приняты въ моемъ домѣ, какъ родныя, и я нашла бы средства, чтобы ихъ воспитать. Но позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ: неужели вы хотите разлучить такихъ дружныхъ дѣтей?

Полковникъ нахмурилъ брови.

— Я-бы взялъ къ себѣ и дѣвочку, отвѣтилъ онъ, — но вѣдь я мужчина и одинокъ. Развѣ я сумѣю съ ней управиться? Нѣтъ, ужъ вы берите дѣвочку себѣ! Что-

же касается Андрюши, то его воспитаніемъ долженъ заняться я самъ. Ни науки, ни знанія языковъ не дѣлаютъ изъ мальчика мужчину. Главное — не они, а строгое воспитаніе, неумолимая требовательность и строгое, отчетливое выполненіе приказаній. Вотъ что необходимо для мальчика. Итакъ, разговоръ конченъ. Андрюшу я беру себѣ.

Полковникъ выпрямился и видимо былъ доволенъ собою. Тетя-Варя, несмотря на всю свою робость, была возмущена.

— Но, вѣдь, дѣти не солдаты! воскликнула она. — Развѣ можно разлучать брата и сестру? Развѣ можно заглушать въ нихъ чистое, святое чувство привязанности другъ къ другу? Вѣдь эта привязанность можетъ сдѣлать для нихъ больше, чѣмъ всѣ эти ваши неумолимая требовательность и отчетливое выполненіе приказаній!

— Это покажетъ будущее, спокойно отвѣтилъ дядя-полковникъ.

Тетя-Варя сама испугалась своей запальчивости и отошла къ сторонѣ.

— Надо покоряться необходимости, продолжалъ полковникъ. — Женщины имѣютъ слишкомъ чувствительное сердце.

— Но хотятъ-ли сами дѣти, чтобы ими такъ распоряжались чужіе? снова осмѣлилась тетя Варя. — Спросили-ли вы, полковникъ, захочетъ-ли Андрюша такъ покорно послѣдовать за вами?

Полковникъ презрительно пожалъ плечами.

— Если-бы вы, сударыня, отвѣтилъ онъ, — были на войнѣ и были офицеромъ, то спросили-ли бы вы у солдата, хочеть ли онъ слѣдо-

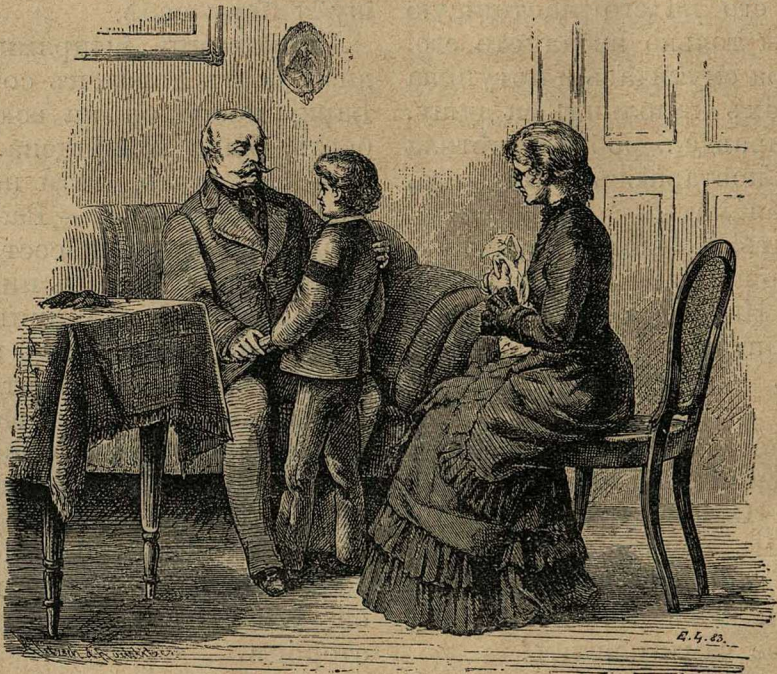
вать за вами и повиноваться? Жизнь—это та-же война.

И подойдя къ двери, онъ подзвалъ къ себѣ Андриюшу.

— Ну, Андрей, сказалъ онъ,—теперь ты будешь жить у меня. Собирай свои пожитки и поѣдемъ.

Онъ сѣлъ на диванъ и привлекъ мальчика съ себѣ.

Андриюшѣ и въ голову не приходило, что тамъ, гдѣ онъ будетъ теперь жить, его сестренкѣ не будетъ мѣста. Какъ только полковникъ уѣхалъ, тетя-Варя сообщила ему весь свой разговоръ съ дядей. Андриюша остолбенѣлъ, затѣмъ поблѣднѣлъ отъ страха и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Хочешь жить у меня? — спросилъ онъ.

— Хочешь жить у меня? спросилъ онъ.

Мальчикъ не понималъ, чего отъ него хотѣли.

— Ты будешь жить у меня, повторилъ дядя.—Приготовь всѣ свои вещи къ вечеру. Я заѣду за тобой, мы вмѣстѣ проводимъ твою тетю-Варю въ ея деревню и затѣмъ отправимся къ себѣ обратно домой.

Онъ всталъ, важно раскланялся и вышелъ. Тетя Варя и дѣти остались одни.

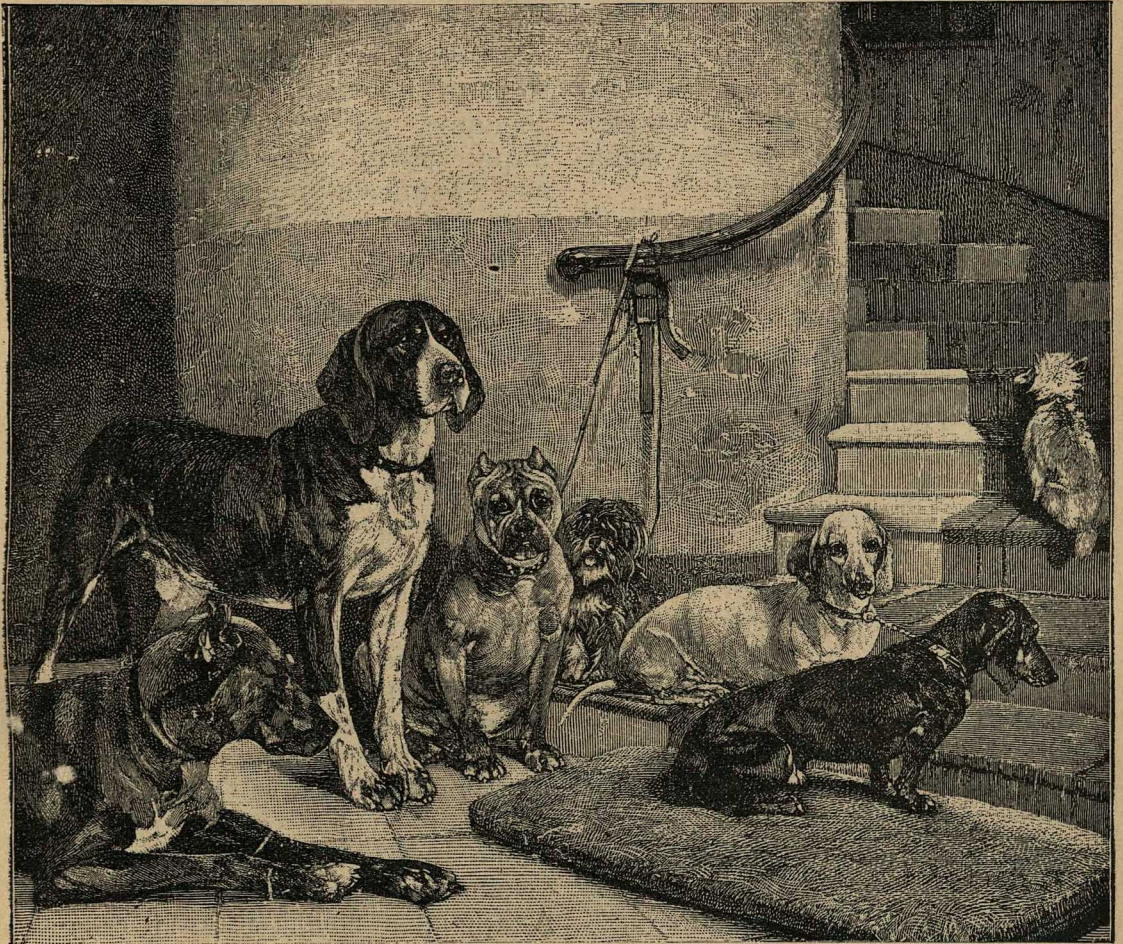
— Нѣтъ, нѣтъ, тетя!.. сказалъ онъ такимъ тономъ, точно влѣзь въ холодную воду.—Я не поѣду къ нему ни за что! Какъ я разстанусь съ Зоей? Вѣдь, я далъ мамѣ обѣщаніе всегда находиться при ней! Въ такомъ случаѣ и Зоя должна ѣхать со мной! Да она умретъ безъ меня отъ тоски! Нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду къ дядѣ ни за что!

Видя горе мальчика, тетя-Варя стала доказывать ему, какъ для

него будетъ полезно переѣхать на жительство къ дядѣ, умоляла его не упрямиться, согласиться на все, потомъ стала плакать. Андрюша все еще стоялъ на своемъ и тоже плакалъ навзрыдъ.

онъ примирился со всѣмъ и не возражалъ.

— Пойми ты, сказала она наконецъ,—ну, что у васъ будетъ за жизнь съ дядей, если ты уже теперь становишься на дыбы? Пол-

Въ ожиданіи ѣды.

— Да вѣдь я же обѣщаль мамѣ никогда не покидать Зою! вдругъ крикнулъ онъ на всю комнату. — Чего вы ко мнѣ пристааете? Развѣ дядя можетъ запретить мнѣ сдерживать мое слово?

Тогда тетя стала заклинять его именемъ его покойной мамы, чтобы

ковникъ неумолимъ. Онъ поставитъ на своемъ. Не лучше-ли быть послушнымъ, подчиниться, снискать расположеніе этого строгаго человѣка? Вѣдь, тогда онъ самъ будетъ разрѣшать тебѣ часто навѣщать твою сестренку. А о Зои ты не безпокойся, я буду

заботиться о ней, какъ вторая мать!

Они долго еще поплакали вмѣстѣ, но подѣ конецъ успокоились и примирились съ ожидавшей ихъ судьбой. Оба слабые, добрые, покорные отъ природы, они не имѣли силъ возражать, у нихъ не хватало доводовъ защищать себя до конца—и кончилось тѣмъ, что оба они выдвинули ящики и корзинку и стали укладывать въ нее вещи Андрюши.

— Я увѣрена, что тамъ тебѣ будетъ хорошо, говорила тетя-Варя, чтобы утѣшить мальчика, и не вѣря сама въ то, что ему дѣйствительно тамъ будетъ хорошо Главное—ты будь послушенъ. Старайся. Господь тебѣ за послушаніе воздастъ сторицей. Молись за мать. Она заступится за тебя передъ Богомъ.

Пріѣхалъ дядя на своемъ собственномъ экипажѣ. Тетя-Варя и Андрюша оба заплакали, но старались скрыть это отъ полковника. Стали одѣваться въ дорогу. Маленькая Зоя, не имѣвшая никакого представленія о счастіи и несчастьи, радовалась, что сейчасъ поѣдетъ такъ далеко. Вошла квартирная хозяйка, съ которой разсчитались и которая въ счетъ уплаты за квартиру выразила желаніе взять всю оставшуюся мебель себѣ. Затѣмъ полковникъ грузно поднялся съ мѣста и взялся за шляпу.

— Ну, пора, пора! сказалъ онъ.

Взяли узелки и стали спускаться внизъ. Андрюша въ послѣдній разъ грустнымъ взглядомъ окинулъ квартирку, гдѣ онъ жилъ такъ долго съ матерью, и пошелъ за всѣми. Сѣли въ экипажъ и по-

ѣхали. Зоя была внѣ себя отъ радости. Ее занимали улицы, освѣщенные окна магазиновъ, затѣмъ потянувшіеся заборы, фабрики, огороды и наконецъ засѣянные поля, когда экипажъ выѣхалъ за городъ. Только она одна безъ умолку болтала, всѣ же остальные сидѣли угрюмо и молчали. Черезъ полчаса, пріѣхали въ ту деревню, въ которой жила тетя-Варя. Дядя-полковникъ вышелъ изъ экипажа первый и помогъ тетѣ-Варѣ сойти. Она взяла на руки Зою и спустила ее на землю.

— Зайдите! обратилась она къ полковнику.

— Нѣтъ, благодарю васъ! отвѣтилъ онъ. — Намъ съ Андрюшей надо спѣшить обратно въ городъ! Скоро девять часовъ. Ему нужно будетъ во время лечь спать.

Произошло неловкое молчаніе, во время котораго Андрюша нагнулся съ экипажа къ Зое и сказалъ ей такъ, что могла слышать только она одна.

— Завтра я къ тебѣ прибѣгу!

Она посмотрѣла на него удивленными глазами: неужели-же Андрюша оставитъ ее одну? Но тетя-Варя взяла ее на руки, ласково прижала ее къ себѣ и, простившись съ полковникомъ и Андрюшей, вошла вмѣстѣ съ нею въ домъ.

— Прощай, Андрюша, крикнула она мальчику изъ окна.

А въ это время, оставивъ позади себя облако пыли, экипажъ уже мчался обратно въ городъ.

Тетя-Варя тотчасъ-же принялась устраивать для Зои постельку. Она достала изъ сундука все, что только имѣла у себя лучшаго и цѣннаго, прибила къ стѣнѣ коврикъ,

раскинула коврикъ и на полу передъ кроватью и, довольная, что у нея была теперь дѣвочка, съ которой она не разстанется уже больше никогда, стала укладывать ее спать.

— Спи, моя дѣточка! сказала она, укрывъ ее по шейку и обхвативъ ея тѣльце поверхъ одѣяла. Спи, моя дорогая! Постарайся проснуться завтра утромъ веселенькой и здоровой.

Тетя-Варя была одинока, всю жизнь свою посвятила на воспитаніе чужихъ дѣтей и теперь была рада, что Богъ послалъ ей родную племянницу, которая могла ей замѣнить дочь. Она долго еще просидѣла у кровати Зои, прислушивалась къ ея дыханію и не могла наглядѣться на ея сладкій сонъ. Что-то необыкновенно теплое и нѣжное наполнило ей душу и освѣтило всю ея жизнь впереди. Теперь уже она не будетъ жить одна! Теперь по ея комнатамъ будетъ бѣгать маленькая дѣвочка, которая внесетъ съ собою въ ея жизнь новую струю, будетъ задавать ей вопросы, щебетать, пѣть, мѣшать ей быть одной и оставаться одинъ на одинъ съ тоской, которая такъ часто стала овладѣвать ея душою. И наглядѣвшись досыта на спавшую Зою, тетя-Варя долго еще потомъ ходила около нея на цыпочкахъ и устраивала для нея уголокъ.

А тѣмъ временемъ и Андрюша пріѣхалъ къ себѣ въ городъ. Всю дорогу онъ сидѣлъ, забившись въ самый уголъ коляски, молчалъ и тихонько глоталъ душившія его слезы. Только когда уже стали подъѣзжать къ самому городу, онъ осмѣлился поднять на дядю глаза и спросилъ:

— Когда я могу навѣстить мою сестру?

Дядя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Сестру? переспросилъ онъ.— Зачѣмъ? Впрочемъ, это мы потомъ обсудимъ. Если ты будешь хорошо учиться, то какъ-нибудь въ воскресенье я потомъ отпущу тебя туда... Каждый человекъ долженъ знать свои обязанности. Прежде всего — дѣло, а потомъ уже гулянье.

— Нельзя-ли въ слѣдующее-же воскресенье, милый дядя? спросилъ Андрюша, и на глазахъ у него заблистали слезы.

Дядя нахмурился.

— Ты мальчикъ, строго отвѣтилъ онъ.— Тебѣ стыдно хныкать и распускать слюни. Мы должны сбросить съ себя эти нѣжности! Прежде надо потрудиться, а потомъ уже думать о свиданіи съ родными.

Андрюша стиснулъ зубы, проглотилъ навернувшіяся слезы и промолчалъ.

Пріѣхали. Полковникъ ввелъ своего племянника въ свою квартиру, въ которой жилъ уже давно одинокимъ, старымъ вдовцомъ. Все въ ней было просто, но дорого. Мебель была обита дорогою кожей, столовая была безъ всякихъ украшеній, но одинъ столъ въ ней обошелся полковнику, вѣроятно, не одну сотню рублей. Кромѣ часовъ въ столовой, да ружья въ кабинетѣ, на стѣнахъ не висѣло ничего. Занавѣсокъ на окнахъ не было вовсе.

— Ну, вотъ мы и пріѣхали! сказалъ дядя.— Какъ видишь, я живу просто и никакой роскоши себѣ не позволяю. Занавѣсокъ на окнахъ я не держу, такъ какъ веду такой

образъ жизни, что мнѣ незачѣмъ скрываться отъ людей. А вотъ здѣсь будешь помѣщаться ты.

Онъ ввелъ мальчика въ большую пустынную комнату. Въ углу стояла походная кровать безъ подушки, у окна былъ небольшой сосновый столъ и передъ нимъ—табуретка. Вотъ и все убранство комнаты. Это новое обиталище показалось Андрюшѣ утрюмымъ и неуютнымъ. Ему ужасно захотѣлось поскорѣе домой, гдѣ онъ жилъ съ покойной матерью, или, по крайней мѣрѣ, къ тетѣ-Варѣ, у которой было такъ тепло и привѣтливо.

— Ложись спать, сказалъ дядя.— Уже девять часовъ!

Андрюша быстро раздѣлся, умылся, простился съ дядей и легъ на кровать. Ему было неловко безъ подушки и всю ночь онъ не могъ уснуть. Все время онъ думалъ о сестрѣ, ему казалось, что она безъ него плачетъ и не можетъ успокоиться, и хотѣлось къ ней бѣжать. Было жаль мамы. Какой-то безотчетный страхъ овладѣлъ имъ, такъ что онъ не разъ и не два укрывался съ головой и набожно крестился подъ одеяломъ. Онъ заснулъ только подъ утро, когда зазвонили уже гдѣ-то на колокольнѣ и начался на улицѣ первый шумъ отъ ломовой ѣзды. Ему показалось, что онъ проспалъ всего только полчаса, потому что около него вдругъ раздался сухой повелительный голосъ полковника:—

— Уже шесть часовъ! Пора вставать! Каждый человѣкъ долженъ знать свои обязанности!

Андрюша вскочилъ, одѣлся, почистилъ себѣ курточку и сапоги, смиренно сѣлъ за столикъ и про-

сидѣлъ, ничего не дѣлая, до восьми часовъ. Затѣмъ полковникъ позвалъ его пить чай, а послѣ чая Андрюша отправился къ себѣ въ школу. Здѣсь ему стало легче и спокойнѣе на душѣ. Онъ не былъ въ школѣ три дня, пока хоронили его мать, но все здѣсь было, какъ и всегда, онъ чувствовалъ здѣсь, что для него потеряно еще не все и что онъ представляетъ собою маленькую частичку чего-то цѣлаго, которое спокойно и неизмѣнно идетъ впередъ и поможетъ и ему со временемъ твердо стать на ноги, не зависѣть ни отъ кого и поддерживать сестру.

Возвратился онъ домой къ тремъ часамъ. Дяди не было дома. Скука одолевала Андрюшу ужасная, ему хотѣлось къ сестрѣ, и чтобы хоть сколько-нибудь развлечь себя, онъ уѣлся за свой одинокій сосновый столикъ и погрузился въ книги.

— Это хорошо! вдругъ услышалъ онъ позади себя голосъ вернувшегося дяди.— Не нужно терять ни одной минуты! Учись, учись, и учись!

И онъ вышелъ изъ комнаты. Затѣмъ Андрюшу позвали обѣдать. Обѣдали только вдвоемъ. Все время Андрюша молчалъ, а дядя-полковникъ говорилъ ему объ обязанностяхъ и трудѣ и о томъ, что каждый человѣкъ долженъ работать и не давать себѣ воли ни въ чемъ.

— Сохрани тебя Богъ, сказалъ онъ,—если я услышу о тебѣ чтонибудь нехорошее!

Такъ потекли для Андрюши дни за днями. Всегда одинъ, всегда молчаливый, онъ терпѣливо ожидалъ завтрашняго дня, а когда наступало это завтра, то онъ ожи-

далъ послѣзавтра, и такъ далѣе, по пальцамъ высчитывая, когда наступитъ наконецъ воскресенье, чтобы можно было повидаться съ сестрой. Но воскресенья проходили одно за другимъ и онъ все никакъ не могъ получить отъ дяди разрѣшенія поѣхать къ тетѣ-Варѣ, чтобы хоть однимъ глазкомъ, хоть издали увидѣть Зою.

— Глупости! говорилъ ему полковникъ.— Нужно быть мужчиной! Нужно себя сдерживать и закалять!

Для Андрюши это было тяжелымъ испытаніемъ. Завѣщаніе матери—не покидать сестру—было для него свято. Чтобы заставить замолчать свою совѣсть, онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все придумывалъ, что бы сдѣлать такое, чтобы дядя-полковникъ позволилъ ему побывать у сестры?

И вдругъ въ одно изъ воскресеній дядя самъ предложилъ ему погулять.

— Я доволенъ тобою, сказалъ онъ.— Можешь идти погулять куда-нибудь одинъ. Мальчикъ долженъ приучаться къ самостоятельности. Только ты долженъ быть дома не позже восьми часовъ!

Боже мой! Андрюшу отпустили гулять одного! Съ какимъ радостнымъ замираніемъ сердца выскочилъ онъ на улицу! До восьми часовъ было еще цѣлыхъ три часа! Онъ еще успѣетъ сбѣгать къ тетѣ-Варѣ и во время вернуться назадъ!

И онъ опроретью побѣжалъ за городъ. До деревни, въ которой жила тетя-Варя было цѣлыхъ семь съ половиной верстъ. Онъ пробѣжитъ туда и обратно пятнадцать верстъ, это далеко, но что за дѣло?

Онъ молодъ, онъ напряжетъ все свои усилія, чтобы повидать сестру хоть однимъ глазкомъ и вернуться къ восьми часамъ домой.

И вотъ онъ уже въ предмѣстьѣ города. Вотъ уже потянулись заборы, огороды, вотъ выглянула изъ-за зелени хорошенькая дачка, вотъ дымитъ фабричная труба. Андрюша все бѣжитъ и бѣжитъ и наконецъ передъ нимъ раскидывается широкое поле. Поютъ жаворонки, пахнетъ полевыми цвѣтами, далеко налѣво, на высококомъ холмѣ, машетъ крыльями вѣтряная мельница, похожая издали на человѣчка. Теплый апрѣльскій воздухъ ласкаетъ лицо. Еще два мѣсяца—и наступитъ лѣто; Андрюшу распустятъ, но позволятъ-ли ему дядя прожить лѣто у тети вмѣстѣ съ Зоей? Андрюша думалъ объ этомъ, смутное чувство радости, что онъ на свободѣ сейчасъ, смѣшивалось въ немъ со страхомъ передъ будущимъ и съ опасеніемъ, что онъ не вернется во время назадъ. Онъ никогда еще въ жизни не заходилъ такъ далеко отъ дома одинъ и когда дорога, по которой онъ шелъ, раздѣлилась на двое, то ему сдѣлалось вдругъ страшно. По которой изъ нихъ идти? Нужно было-бы спросить у кого-нибудь, но у кого? Онъ оглянулся по сторонамъ, не увидѣлъ никого и пошелъ далѣе. Да, да, онъ не ошибся! Вотъ и тотъ лѣсокъ, вотъ и тотъ прудъ, мимо котораго онъ проѣзжалъ тогда съ дядей, тетей и Зоей! Тамъ, за этимъ лѣскомъ—чье-то богатое имѣніе, а потомъ и та деревня, въ которой живетъ тетя-Варя. И онъ почувствовалъ себя такъ, точно у него выросли крылья.

Теперь ужъ онъ не шелъ, а бѣжалъ. И когда наконецъ онъ добѣжалъ до деревни и, весь потный, тяжело дыша, постучалъ къ тетѣ Варѣ въ дверь, то встрѣтившая его тетья невольно схватилась за грудь и встревоженно спросила:—

— Ради Бога, Андрюша, что случилось?

— Я только на минутку, отвѣтилъ онъ. — Хочу повидаться съ Зоей!

Тетья-Варя обрадовалась, обняла его, прижала къ сердцу и ввела его въ домикъ. Громко взвизгнувъ отъ радости, выбѣжала къ брату Зоя.

— Андрюша! Андрюша пріѣхалъ! закричала она.—Идите сюда всѣ!

Но идти было некому и она повисла на шеѣ у брата. Онъ стоялъ, полный необыкновенной, охватившей всего его, радости. Онъ утомился, ему хотѣлось сѣсть, ноги едва держали его, но онъ этого не замѣчалъ, и только повторялъ:—

— Вотъ и я.. Вотъ и я.. Но я только на минутку!

Боже мой! Какое сказочное, несбыточное счастье! Онъ видѣлъ передъ собою своихъ тетю и сестру, видѣлъ эти маленькія, уютныя комнатки, эти окна съ занавѣсочками и горшками герани и глоксиній, эти низенькіе потолочки, эту чистенькую, уютную кровать Зои, эту радость, съ которой здѣсь встрѣчали его, не нужного никому и привыкшаго жить въ одиночествѣ и слышать одни только серьезныя замѣчанія дяди.

Зоя схватила его за руку и повела его къ себѣ показывать ему свои игрушки и книжки. Точно привезенный изъ далекихъ странъ

дикарь, Андрюша съ восторженнымъ видомъ разсматривалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, точно никогда ихъ не видалъ, такъ все у тети и у Зои казалось ему прекраснымъ и полнымъ живого интереса.

— Да гдѣ-же твоя лошадь? обратилась наконецъ къ нему тетья-Варя.—На чемъ ты пріѣхалъ?

Онъ виновато опустилъ глаза.

— Я пришелъ пѣшкомъ, робко отвѣтилъ онъ.—Ужъ очень хотѣлось повидаться съ вами!

— Какое сумасбродство! пожуривала тетья.—Ну, что если узнаетъ дядя?

Мысль о томъ, что объ этомъ путешествіи можетъ узнать дядя, испугала и Андрюшу. Онъ вскочилъ, засуматошился и тотчасъ-же схватился за шапку.

— Прощайте, тетья!.. сказалъ онъ.—Мнѣ пора!

— Да ты сиди! Куда-же ты? удивилась тетья. Мы скоро будемъ пить чай!

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ уже пора!

И наскоро поцѣловавъ сестру и простившись съ тетей, онъ зашагалъ обратно въ городъ. Солнце совсѣмъ уже склонилось къ западу, слышалось мычаніе стада, прошелъ гдѣ-то вдаль с боку поѣздъ и оставленный имъ дымъ еще долго стоялъ въ воздухѣ, смѣшавшись съ пылью. Андрюша торопился. Ему нужно было вернуться домой во что бы то ни стало до прихода дяди. И когда онъ вошелъ уже въ городъ и во всѣхъ концахъ загудѣли гдругъ на фабрикахъ гудки, то онъ вздохнулъ свободно: значить нѣтъ еще полныхъ восьми часовъ.

Онъ возвратился какъ разъ во время. Пріѣхалъ откуда-то дядя.

Они пили вмѣстѣ чай и дядя казался довольнымъ и шутилъ. Но Андрюша плохо его слушалъ. Онъ думалъ о тетѣ-Варѣ и о Зое и проведенныя съ ними нѣсколько минутъ казались ему прекраснымъ, волшебнымъ сномъ.

— Гдѣ ты гулялъ? спросилъ Андрюшу полковникъ.

Андрюша густо покраснѣлъ. Ему не хотѣлось говорить, что онъ былъ у тети и у сестры, и въ то-же время казалось не порядочнымъ скрывать отъ дяди свои поступки. Онъ опустилъ голову и тихонько отвѣтилъ:—

— Такъ... Бродилъ въ разныхъ мѣстахъ...

И въ первый разъ въ жизни онъ легъ въ постель съ сознаниемъ, что сдѣлалъ дурной поступокъ, но въ то-же время какой-то внутренней голосъ ободрялъ его и Андрюша былъ втайнѣ радъ, что дядя не спрашивалъ его дальше и не узналъ отъ него ничего.

На слѣдующее воскресенье Андрюша опять отправился къ тетѣ-Варѣ. Онъ опять провелъ съ Зоей нѣсколько минутъ и мужественно возвратился къ сроку обратно. Дядя опять не узналъ объ этой прогулкѣ ничего. Андрюшу это мучило, но онъ боялся открыть передъ дядей свою душу, чтобы не услышать отъ него насмѣшку надъ тѣмъ, что составляло святыню его жизни. Но чѣмъ долѣе продолжалось это невѣдѣ-

ніе дяди, тѣмъ Андрюша становился все смѣлѣе и смѣлѣе. Теперь ужъ онъ вовсе не могъ обходиться безъ ласки тети и безъ сестры. Душа его, какъ безводная земля, жаждавшая влаги, алчно искала теплаго слова, ласки и того уюта, который создаютъ въ каждой семьѣ однѣ только женщины и больше никто. Унылыя, пустынные комнаты дяди казались теперь для него невыносимыми. Отсутствіе занавѣсокъ на окнахъ и подушки на постели раздражали его. Громадныя, обитыя кожей, кресла казались ему глыбами холоднаго гранита. Равномѣрное тиканье часовъ только усиливало для него сознание продолжительности времени, оно тянулось для него безконечно, онъ часто сталъ плакать и одна только мысль о томъ, что онъ скоро хоть тайкомъ, хоть преступнымъ образомъ побываетъ у тети и увидится съ сестрой, подбодряла его и помогала ему жить.

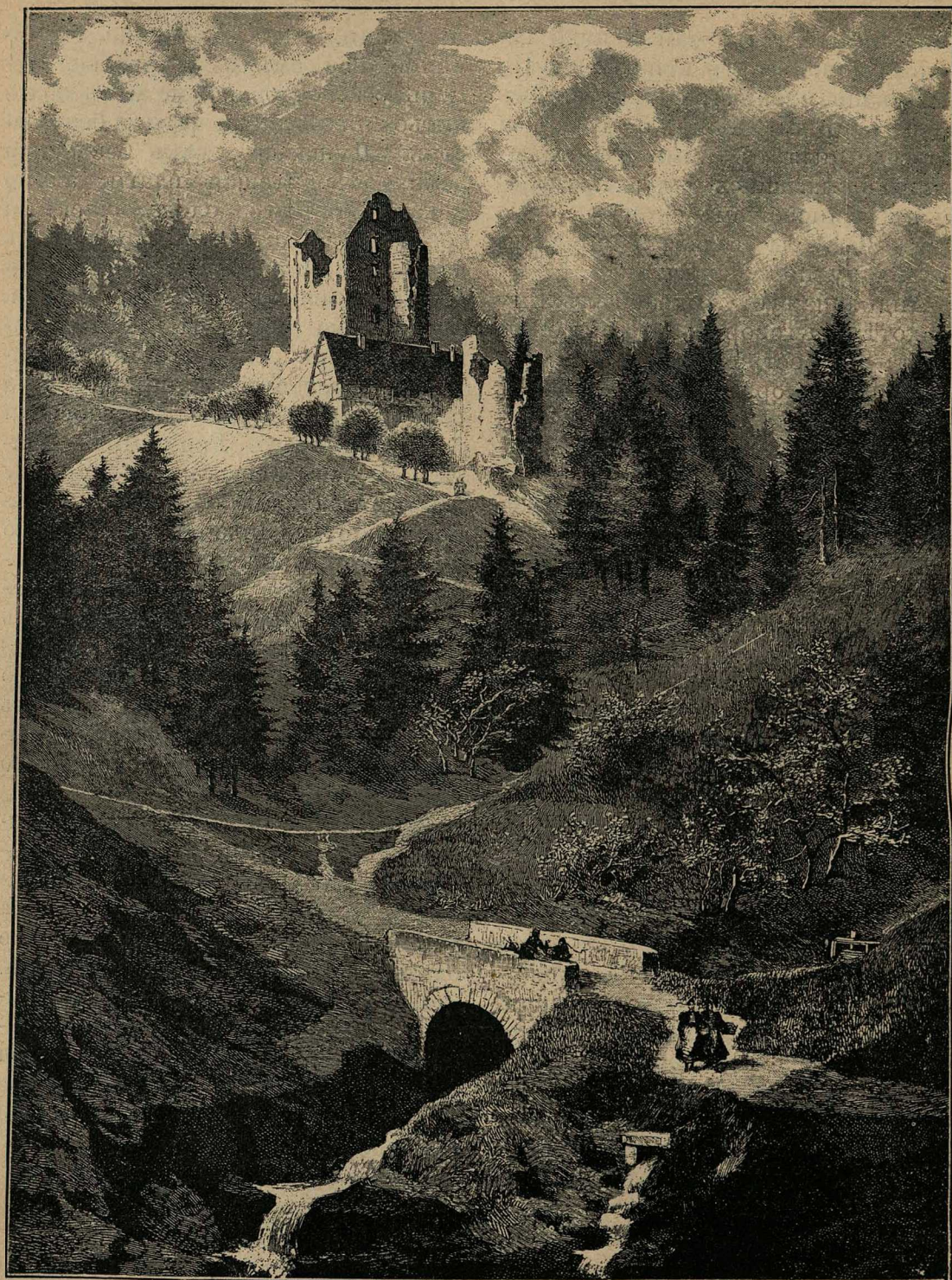
— До того времени, какъ я увижусь съ Зоей, высчитывалъ онъ,—осталось только два дня, семь часовъ и сорокъ двѣ минуты. Завтра утромъ я проснусь,—и будутъ уже одинъ день и двадцать три часа.

И онъ ложился спать, убаюкивая себя надеждой, что скоро увидится съ сестрой, и просыпался съ радостью, что это свиданіе стало ближе къ нему на нѣсколько часовъ.

Е. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Развалины замка въ Баваріи.

НЕЗНАКОМАЯ ДАМА.

Ѣхала въ вагонъ 3-го класса дама съ груднымъ ребеночкомъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій она вышла зачѣмъ-то изъ вагона, но не рассчитала време-

него. Тогда одна крестьянка, ѣхавшая въ томъ-же вагонѣ, пожелала взять его себѣ и вылѣзла съ нимъ на слѣдующей-же станціи.

— У меня своихъ четверо дѣ-

Спасеніе погибающихъ.— Вѣрвка брошена!

ни, задержалась, и поѣздъ съ ребеночкомъ двинулся безъ нея. Сидѣвшіе въ вагонѣ пассажиры подумали, что она подкинула этого ребеночка, оставивъ его въ вагонѣ нарочно, чтобы отдѣлаться отъ

тея, все малъ—мала меньше, сказала она,—такъ одного при семьѣ не видать.

Потерявшая ребеночка, дама приняла всѣ мѣры, чтобы разыскать своего младенца, но онъ не

привели ни къ чему. Найти ребенка такъ и не удалось. Въ тяжкомъ горѣ, едва имѣя силъ перенести свою потерю, она уѣхала затѣмъ въ городъ и больше о ней не слыхалъ уже никто.

— А барыня-то видно изъ благородныхъ, рассказывала крестьянка своимъ сосѣдкамъ, пріѣхавши домой.— Всю дорогу книжку въ вагонѣ читала... И такъ чисто была одѣта...

— И-и, Назаровна! вздыхали сосѣдки. — Точно у тебя своихъ дѣтей мало! Охота-жъ была тебѣ брать еще и этого ребятенка! Поди — господское дите, слабенькое, да больное. Что ты съ нимъ будешь дѣлать?

Назаровна и сама одумалась, что напрасно взяла къ себѣ ребенка, да было уже поздно. Ребенокъ дѣйствительно былъ слабенькій и громко кричалъ. Сосѣдки смутили ее, и теперь ужъ онъ казался ей не такимъ хорошенькимъ и беззащитнымъ, какимъ былъ въ вагонѣ.

— Что-жъ, сказала она. — Пущай себѣ растетъ!

И мужъ побранилъ ее.

— Все-таки лишній ротъ! сказалъ онъ. — Самимъ подчасъ ѣсть нечего, а тутъ еще ты съ чужимъ ребятенкомъ. Эхъ, вы, бабы!

Такая встрѣча съ первыхъ-же минутъ очень охладила Назаровну къ ребенку. Чувство жалости, охватившее ее, когда она ѣхала въ ва-

гонѣ и пожелала взять къ себѣ дѣвочку, смѣнилось равнодушіемъ, и скоро она стала искренно желать, чтобы дѣвочка умерла. Затѣмъ умеръ у Назаровны мужъ, и она со всѣмъ своимъ выводкомъ тоже переѣхала въ городъ, гдѣ открыла мелочную лавочку, чѣмъ и жила. Еще тогда, въ вагонѣ, она слышала, какъ, укачивая своего ребенка, неизвѣстная дама, называла его Катей. Изъ этого рѣшили, что ребенокъ былъ крещенъ, и такъ и стала дѣвочка называться Катюшей. Теперь этой Катюшѣ шель уже восьмой годъ, и она представляла изъ себя хорошенькую, черноволосую дѣвочку, съ черными глазами, худенькую и съ блѣднымъ лицомъ. Блѣдность эта увеличивалась еще и отъ того, что вся семья жила впроголодь, въ одной только маленькой комнаткѣ, примыкавшей къ лавчонкѣ, въ которой никогда не бывало солнца и было сумрачно и сыровато.

Дѣвочкѣ жилось очень тяжело. Отъ нея не скрывали, что она чужая и взята изъ милости. Дѣти, съ которыми она росла, не любили ее, ихъ мать всегда была занята въ лавкѣ и рѣдко знала, что они ее обижали.

— Ты бы, Захаровна, заступилась за сироту, обращались къ ней сосѣдки.— Погляди, какъ твоя Анютка изводитъ ее!

Но Захаровнѣ было не до ссоръ

Кати съ Анютой и иногда она и сама попрекала дѣвочку кускомъ хлѣба.

— Мало-ли я потратила на тебя! говорила она. — Самой и дѣтямъ нечего было ѣсть, а я кормила тебя. Другой давно выбросилъ-бы тебя за дверь, какъ щенка!

Въ тайнѣ она ревновала къ ней своихъ дѣтей и завидовала Катѣ. Всѣ ея четверо ребятъ были некрасивы, походили на обезьянъ, были грубы и рѣзки и въ сравненіи съ ними Катя казалась ангеломъ. И всякій разъ, какъ Катя проходила откуда-нибудь по улицѣ, на нее заглядывались сосѣдки и говорили:—

— Ну, ужъ и дѣвочка! Настоящая принцесса!

Быль зимній вечеръ. Назаровна находилась въ лавкѣ, а дѣти сидѣли вокругъ стола, едва помѣщавшагося между печью и кроватью, и играли.

— Знаете, что? вдругъ предложила Анютка.—Давайте играть въ короли!

— Давайте, давайте! отвѣтили дѣти хоромъ.

— Только, чуръ — слушаться! Кто будетъ королемъ, тотъ можетъ приказывать все, чего только ни пожелаетъ! Его должны слушаться всѣ!

— Ладно, ладно... Будемъ слушаться!

Анютка сдѣлала пять билетиковъ, на одномъ изъ которыхъ

было написано слово „король“, скатала ихъ въ трубочки и всыпала въ Андрюшкину шапку.

— Тяните! сказала она.

Всѣ вытянули по билету. Билетикъ со словомъ „король“ достался Катѣ. Она не ожидала такого счастья, вскочила и запрыгала на мѣстѣ.

— Я король! закричала она и захопала отъ радости въ ладоши.—Я король!

Анютка нахмурилась.

— Ты? спросила она и вдругъ покраснѣла съ досады.— Не думаешь-ли ты, что мы всѣ будемъ тебѣ повиноваться? Ахъ, дрянъ ты этакая!

И бросившись на Катю, она вырвала у нея изъ рукъ билетикъ и втиснула ей въ руку свой.

— Она вретъ! воскликнула она.—Это я король, а не она!

Анютка нацѣпила себѣ на голову повязку, взяла въ руку кочергу и сѣла среди комнатки на ящикъ.

— Я ваша королева, объявила она.—Теперь вы должны слушаться меня всѣ!

Катя заплакала и, утирая слезы, отошла къ сторонкѣ.

— Не смѣй ревѣть! крикнула ей Анютка.

Катя была слишкомъ обижена такой явной несправедливостью, чтобы сразу успокоиться.

— Не смѣй ревѣть! снова закричала на нее Анютка и стукнула объ полъ кочергой.— Если ты не

перестанешь сейчасъ-же, то я прикажу тебя наказать!

Катя зарыдала.

— Взять эту дѣвчонку за шиворотъ, приказала Анютка, — и вытолкать ее отсюда на морозъ!

Какъ вѣрные и послушные подданные, къ Катѣ подскочили Андрюшка и Кузька и, схвативъ ее за плечи, потащили ее къ двери. Она взвизгнула и стала съ ожесточеніемъ отъ нихъ отбиваться. Они продолжали ее тащить. Тогда она уперлась руками и ногами о порогъ и косякъ и рѣшила лучше умереть, чѣмъ подчиниться такому несправедливому произволу самозванной королевы.

— Не пойду! закричала она. — Не пойду!

Ея блѣдное личико было искажено страхомъ и обидой. Къ двумъ мальчикамъ подоспѣли сама Анютка и ея младшая сестра, и всѣ они стали выталкивать Катю вчетверомъ. Она завизжала, другія дѣти стали кричать и получился такой шумъ, что изъ лавочки прибѣжала сама Назаровна.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросила она. — Что здѣсь такое? Чего вы орете?

Дѣти ея боялись. Заслышавъ ея голосъ, они тотчасъ-же присмирѣли и выпустили изъ рукъ свою жертву.

— Да вотъ Катька все реветъ, отвѣтила наконецъ Анютка. — Она мѣшаетъ намъ играть и говорить,

что мы все плутуемъ. Спроси, мамка, у Андрюшки и Кузьки сама, если не вѣришь!

Братья слушались свою сестру и потому тотчасъ-же подтвердили.

— Это вѣрно, сказали они. — Катька все реветъ и мѣшаетъ намъ играть.

Назаровна поглядѣла на Катю. Она съ утра была не въ духѣ и ей хотѣлось придратъся къ чему-нибудь и накричать на всѣхъ дѣтей. Но Катя стояла, полная страха, у двери и губы у нея по обыкновенію отъ волненія дрожали. Она была такъ беззащитна въ эту минуту и казалась въ своемъ горѣ такой очаровательной въ сравненіи съ другими дѣтьми, что у лавочницы шевельнулось въ душѣ чувство ревности и досады, что ея дѣти были хуже, чѣмъ этотъ подкидышъ, который случайно къ ней попалъ и за котораго она испытала въ свое время столько прековъ отъ своего мужа.

— А, ты не умѣешь съ другими играть? закричала она. — Всѣ у тебя плутуютъ? Одна ты честная, а всѣ другіе лгутъ? Такъ убирайся-же отсюда вонъ!

Она схватила Катю за руку, отворила дверь и вышвырнула ее на улицу.

— Сиди здѣсь до тѣхъ поръ, сказала она, — пока я сама тебя не позову!

Дверь захлопнулась, и Катя осталась на улицѣ одна. Была

уже ночь, шелъ снѣгъ, дулъ вѣтеръ и гналъ его тучами вдоль улицы. Слабо мерцали фонари. Въ такую погоду, казалось, весь городъ вымеръ и на улицѣ было безлюдно и пустынно. Въ одномъ платишеѣ, безъ пальто, дрожа отъ холода, Катя опустила на снѣгъ и прижалась спиной къ дому. Сердце ея билось. Чувство обиды и сознание безпомощности своего положенія вызвали на ея глаза слезы. Холодный вѣтеръ шевелилъ ея волосы и ей казалось, что и онъ тоже былъ за одно съ тѣми людьми, которые ее не любили и у которыхъ она жила. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ тогда ея родная мать бросила ее одну въ вагонъ! Назаровна говоритъ, что на второмъ году жизни Катя такъ заболѣла, что едва осталась въ живыхъ. Ахъ, зачѣмъ она тогда не умерла! Дѣвочка сидѣла на снѣгу у стѣны, дрожала, зубы ея стучали отъ холода и ей казалось, что о ней теперь всѣ забыли, Назаровна не позоветъ ее въ комнату уже никогда и что она выброшена на улицу, какъ бездомная собаченка, которой суждено умереть съ голоду или-же передъ каждымъ окошкомъ вилить хвостомъ и выпрашивать себѣ корочку хлѣба или обглоданную кость. И она стала рыдать.

— Господи, говорила она вся въ слезахъ.—Почему я такая несчастная? Почему у меня нѣтъ

мамы, которая пожалѣла-бы меня и прибила-бы Анютку, Андрюшку и Кузьку, за то, что они ко мнѣ такъ придираются? Боженъка, сжался надо мной! Пожалѣй меня сироту!

И вдругъ вдаль послышались чьи-то шаги. Хрустя по снѣгу, они все приближались и приближались и скоро при свѣтѣ фонаря Катя увидала какую-то даму, богато одѣтую, съ большой муфтой въ рукахъ и длиннымъ мѣховымъ боа, спускавшимся до самаго снѣга. При видѣ дѣвочки дама остановилась. Повидимому, ее тронулъ безпомощный видъ и слезы Кати. Она нагнулась къ ней и теплыми, душистыми пальцами взяла ее за подбородокъ и подняла ея личико къ себѣ.

— Дѣвочка, о чемъ ты плачешь? спросила она ее.—Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Меня выгнали изъ дому... отвѣтила Катя.

— Кто? Твоя мать?...

— У меня нѣтъ матери. Я одна... Меня нашли въ вагонѣ...

Дама вздрогнула.

— Какъ, въ вагонѣ? Когда? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Мамка говорила, что какая-то барыня оставила меня въ вагонѣ, а сама ушла.

— Гдѣ ты живешь?

— Вотъ здѣсь...

Дѣвочка указала головой на дверь лавки. Дама взяла ее за руку и подняла съ земли.

— Пойдемъ къ твоей мамѣ! сказала она.

Они вошли въ лавочку. Низенькая, маленькая, грязная, съ плохими, простонародными съѣстными товарами, она казалась еще болѣе убогой отъ тусклаго освѣщенія закоптѣвшей лампочки. Завидѣвъ богатую покупательницу и не замѣтивъ спрятавшейся за нее Кати, Назаровна поднялась съ мѣста и приготовилась ей продавать. Слышно было, какъ за стѣной кричали и шумѣли ея дѣти.

— Что вамъ угодно? спросила Назаровна.

— Скажите, пожалуйста, обратилась къ ней дама, — на какой станціи вы взяли когда-то къ себѣ забытую въ вагонѣ дѣвочку?

Назаровна смутилась. Навѣрное, это не покупательница, а какая-нибудь дама-благотворительница, которая увидала на холодѣ Катюшку и пришла за нее заступиться.

— Ахъ, отвѣтила она, — вы и представить себѣ, барыня, не можете, какая это оказалась скверная дѣвчонка. Ужъ я-ли не жалѣла и не холила ея? Хоть-бы кто-нибудь ее отъ меня взял! Похлопочите, матушка-барыня! Заставьте вѣчно Бога молить! Хоть бы въ какой-нибудь пріютъ!..

— Вы отвѣтите мнѣ на мой вопросъ, повторила дама. — На какой станціи вы выбрали этого ребенка?

Назаровна посмотрѣла на потолокъ.

— Да на какой станціи?.. стала она припоминать. — Какъ бишь ее? Не то Куриловка, не то Петриловка... Мы, стало-быть, недалече отъ нея... Наша деревня отъ нея верстахъ въ сорока. Да, да! Петриловка и есть!

Дама взялась за грудь.

— Да, это она! чуть слышно проговорила она. — Это моя дочь!

И, овладѣвъ собою, она продолжала уже громко и стараясь придать своему голосу равнодушный тонъ.

— Вы хотите, чтобы я взяла ее отъ васъ? спросила она.

— Ужъ сдѣлайте милость, благодѣтельница! закланялась Назаровна, обрадовавшаяся тому, что такъ дешево отдѣлалась за свою жестокость. — Ее-бы въ какой-нибудь пріютъ!..

— Есть у васъ какіе-нибудь о ней документы?

— Есть, есть, матушка барыня! Изъ волостного правленія! Тогда еще самъ старшина намъ принесъ какую-то бумагу!.. „Берегите, говорить, эту бумагу, она вамъ понадобится“.

Она порылась у себя въ конторкѣ и достала оттуда пожелтѣвшій листъ бумаги. Это было удостоверение о томъ, что Катюша была найдена въ вагонѣ такого-то числа около такой-то станціи и сдана на руки Назаровнѣ. Дама

прочитала эту бумагу и отъ волненія едва устояла на ногахъ. Теперь уже не оставалось больше никакого сомнѣнія. Это была ея дочь.

И полная радости, что Богъ услышалъ наконецъ ея мольбу и такъ случайно натолкнулъ ее на дочь, она притянула Катю къ себѣ, не удержалась и горячо поцѣловала ее въ щеки и въ лобъ. Катя весело отъ радости засмѣялась. Она не ожидала такой ласки и не испытывала ее никогда. Вся затрепетавъ, она прижалась къ незнакомкѣ и боялась, какъ-бы она скоро не ушла. А незнакомка сняла съ себя дорогое мѣховое боа и закутала имъ Катю со всѣхъ сторонъ. Приятная теплота разлилась по тѣлу дѣвочки.

— Я беру эту дѣвочку къ себѣ! сказала она.

Назаровна низко въ знакъ согласія поклонилась.

Тогда незнакомая дама взяла Катю за руку и вывела ее на улицу. Дѣвочка послушно послѣдовала за ней. Дойдя до угла, да-

ма наняла извозчика, сѣла въ санки, распахнула шубу и, прижавъ къ себѣ Катю, закрыла ее обѣими ея руками.

— Трогай! сказала она извозчику и сообщила ему свой адресъ.

Онѣ ѣхали, прижавшись одна къ другой, и какое-то новое, невыразимое счастье наполняло души ихъ обѣихъ.

— Ты знаешь? обратилась наконецъ дама къ дѣвочкѣ.—Я твоя мать!

Дѣвочка посмотрѣла на нее, повѣрила ей и залилась слезами. Но это были совсѣмъ не такія слезы, какими она обыкновенно плакала, когда ее обижали. Въ нихъ было что-то сладкое, святое, чего она не знала еще никогда, и ей хотѣлось плакать и въ то же время смѣяться и запахъ духовъ, который шелъ отъ шубы и отъ платья ея матери, казался ей необыкновеннымъ, и тонкой, сладчайшей струйкой проникалъ ей въ самое сердце.

К. Тр.—

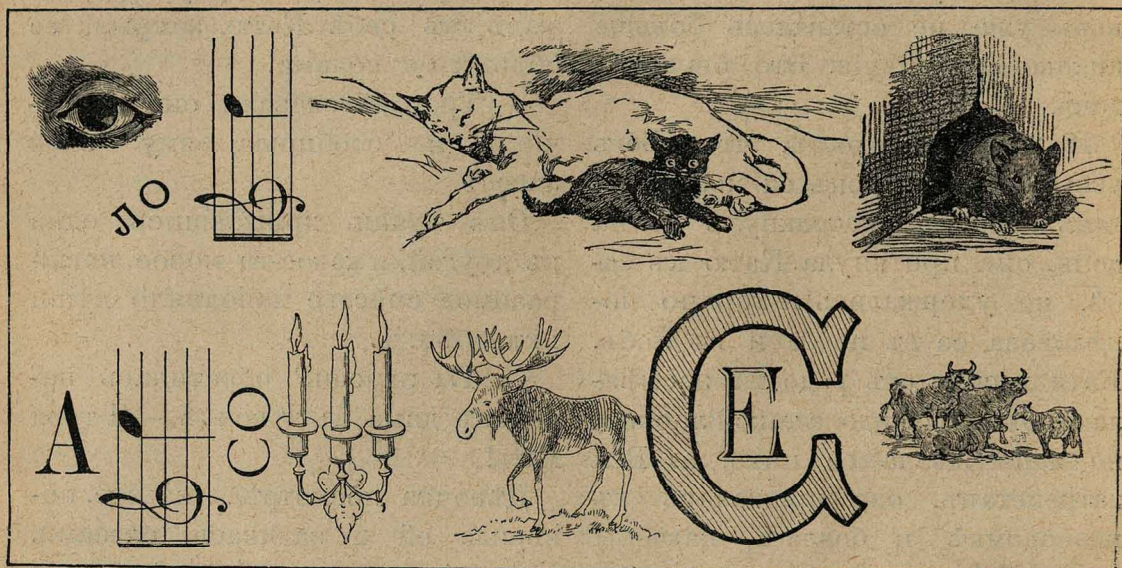
Рѣшеніе головоломки и ребуса № 19, помѣщенныхъ въ № 19 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) Салатъ, хуторъ, слонъ, стулъ, сахаръ, серна, Задуманныя слова—Херсонъ и Тула. II) Смоковница, рогожа, дикобразъ, народъ = смородина. III) Я+мы (ямы). IV) Ноги, сирота, нора = гитара. V) Отрава, трава.

Ребусъ № 19. Лѣ+томъ+с+ухо+й+возъ+духъ+с+коровы+с+уши+ваеъ+л+ужи=Лѣтомъ сухой воздухъ скоро высушиваетъ лужи.

Вѣрные рѣшенія прислали: Мипа Френкель, Жена и Оля Чугуновы, Дмитрусь-восьмилѣтка изъ Умани, Любочка Ковалева, Аня Оловяникова, Шурочка, Зюка и Люся Гербановскіе, Люся Кривенко, Таня Никольская, Ляля Сиворская, Мика и Игорекъ Чегодаевы, Соня и Галя Столяровы, Маруся Никольская, Саша Аваевъ, Клео и Липа Сурмели, Толя и Шура Дѣвы, Ростиславъ Демченко, Коста Кузменко-Кузмицкій, Глаша Титова, Федя Ивановъ, Тоня Дряблова, Люся Кривенко, Нина Рыкова, Георгій

Ребусъ № 21.

(Фамилии, подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Огаревъ, Фаня и Анюта Тартаковскія, Аркаша Свиридовъ, Всеволодъ Токаржевичъ, Саша Гаховичъ, Коля Тюленевъ, Витя Лаврентьевъ, Анатолий Важинскій, Вадя и Шуня Кардасевичи, Вова и Боря Чикильдины, „Донъ - Кихоть“, Владя Оссовскій, Валя Туркевичъ и ея тетка Маруся, Надя, Дора и Нина Люстернякъ, Ирина Румянцева, Нюра Бѣломасова, Коля, Маня и Боря изъ Сариновки, Олечка Алексѣева, Юрочка Палочка, Катя Головачева, Валя Денисова, Шура Засенко, Галя Русиловичъ, Вѣра и Чира Семевскіе, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Надя Бауэръ, Зоя Дембровская, Коля и Крестная Евграфовы, Юля Эрдманъ, А. Воронкова, Лена и Коля Линдеръ, Тоня и Митя Киселевы, Станиславъ Маркевичъ, Вова Федоровъ, Нина Нищинская, Вѣра Романъ, Михаилъ Мельниковъ, Туся со ст. Усикирко, Леля Рѣдько и Витя Ивановъ, Тамара 11 л. Нина Зѣвака и Варя 9 л. изъ Тифлиса, Пурочка, Ниночка, Лидочка и Серафимочка Протопоповы, Аркаша Свиридовъ, Нина Селифонтова, Шура и Володя Фомины, А. Шелехова, Потѣенко, Нина, Женя и Лида Шулаковы, Вѣлочка, Жучекъ и Японочка Леонтьевы, Модя Какуринъ, Нина, Котя, и Тамара Кварацхели, Михаилъ Меликовъ,

Мальчикъ съ пальчикъ, Мура Гапѣева, Люся Кривенко, Миля Ханжа, Ника Гуриновичъ, Фаня и Анюта Тартаковскія, Глаша Титова и Федя Ивановъ, Саша и Толя Васильковы, Костя Кузменко-Кузмицкій, Котя Карапузь, Зося Даниленкова и Каля Кузьмина, Константинъ Филиповскій, Вѣра Дадкина, Нина и Каля Каценко, Люсенка и Муся Безобразовы, А. и Н. Лебедевы, Нина Иванова изъ Горшечнаго, В. Тхоржевичъ, Дора изъ Суджи, Вѣра Бергъ, Сережа Гульянцъ, Саша Гаховичъ, Маруся Никольская, Катя, Саша-Толстикъ, Нюка-Хоръ, Душенька-Акадикъ и Чижикъ О—скіе, Эльза Якубовичъ, Люсякъ Голяшкинъ, Витя, Володя и Зоя Лаврентьевы, Георгій Розенбергъ, Нина Асланова, Шура Плетенецъ, Китти Лѣвая, Юсь Маленькій изъ Ворожбы, Фаня Творогова, Бабушка-Нюта, Маруся съ братомъ, Димочка и Леля Твороговы, Сестры Лядовы, Нюта Риммеръ, Ира Карпова, Бора, Рома, Кира и Шура Михайловы, Тетя Саша и Леля Жуковскія, Женя Данкова, «И», Валя и Маруся Петрины, Анатолий Важинскій, Валя Рожаловская, Ваня и Сонечка Семкины, Нюра Бѣломасова, Катруся Опешко, Гриша Цебро, Варя Наумова въ СПб., Маруся, Александръ и Миша Шентябины.

Всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

всего в 1911 году
всего в 1911 году
всего в 1911 году

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

3 р. 80 к.

Очень рекомендуется!

Книга для дѣтей.

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала
„Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ. Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.